

БОРИСЪ КОВЕРДА

*Снимокъ сдѣланъ въ Варшавѣ, въ зданіи суда
въ день процесса 15-го іюня 1927 г.*

7 июня 1927 г. русский гимназист застрелил в Варшаве цареубийцу Войкова

Войков (Вайнер Пинхус) прибыл в Россию в числе ленинских соратников в знаменитом "пломбированном вагоне", был командирован на Урал и стал одним из непосредственных участников убийства Царской Семьи 4/17 июля 1918 г., присутствуя при этом как представитель областного Совдепа, и потом как химик руководил уничтожением тел, обеспечив доставку кислоты. В 1924 г. Войков стал советским полпредом Варшаве. Под новый, для него роковой, 1927 год, под влиянием выпитого на вечере сотрудников посольства, он рассказал будущему невозвращенцу Беседовскому жуткую историю убийства Царской Семьи в доме Ипатьева. «Это была ужасная история», – говорил Войков, держа в руках перстень с рубином, переливающимся цветом крови, который он снял с одной из жертв после убийства. – «Мы все участники были прямо-таки подавлены этим кошмаром. Даже Юровский, – и тот под конец не вытерпел и сказал, что еще несколько таких дней, и он сошел бы с ума».

Покарав этого палача Царской Семьи 7 июня 1927 г. на варшавском вокзале, юноша Борис Коверда (1907–1987) стал героем русской эмиграции.

Суд над Борисом Ковердой был проведен очень быстро: 7 июня было совершено покушение, а уже 15-го был вынесен приговор. Оба заинтересованные правительства, польское и советское, имели для этого основания. Польша не хотела осложнять отношения со своим опасным соседом, с которым она не так давно закончила войну. Для Советского же Союза долгое следствие и разбор причин покушения грозили превратить суд над Ковердой в осуждение советского режима в глазах у мировой общественности. Большевики боялись повторения суда над другим русским эмигрантом, швейцарским подданным Конради, застрелившим в 1923 г. секретаря советской делегации Воровского. Швейцарский суд оправдал Конради и тем самым в ходе процесса разоблачил и осудил большевицкие злодеяния в России.

Для ускорения процесса польское правительство нашло возможным применение закона о чрезвычайных судах, относящегося к преступлениям против польских официальных лиц (Войкова как дипломата, пользующегося государственной защитой, причислили к таковым). В составе председателя и двух членов, этот суд выносит скорые и суровые приговоры, которые являются окончательными и обжалованию не подлежат.

С раннего утра 15 июня здание суда было окружено толпой лиц, желавших присутствовать в зале судебного заседания. Несмотря на строгий отбор, с которым производился допуск в зал, все скамьи для публики, проходы и места за судьями оказались занятыми. Польская и иностранная пресса были представлены значительным числом журналистов, количество которых достигло 120 человек. Среди них были корреспонденты "Правды" и "Известий", занявшие места в стороне от "буржуазных" журналистов.

Борис Коверда был введен в зал суда под сильным конвоем и сразу завоевал общую симпатию своей улыбкой и добрым выражением лица. В чистой рубашке и в скромном костюме он казался совершенно мальчиком. Свои показания Коверда давал, как и все свидетели, на польском языке. В первый момент он очень волновался, но все остальное время держал себя очень спокойно, несмотря на то, что до объявления приговора в напряженной атмосфере судебного заседания возникали даже опасения о возможности вынесения смертного приговора...

Обвинительный акт о предании Бориса Коверды чрезвычайному суду, в качестве обвиняемого по статье 453 уголовного кодекса, в интересующей нас части, гласит:

«Стрелявшим в посланника Войкова оказался Борис Коверда, девятнадцати лет, ученик гимназии Русского общества в Вильно, который, опрошенный в качестве обвиняемого, признал себя виновным в умышленном убийстве посланника Войкова и заявил, что он, будучи противником настоящего политического и общественного строя в России и имея намерение поехать в Россию, чтобы там принять активное участие в борьбе с этим строем, приехал в Варшаву с целью получить разрешение Представительства СССР на бесплатный проезд в Россию. А когда ему было в этом отказано, он решил убить посланника Войкова, как представителя власти СССР, причем добавил, что с посланником Войковым никогда не разговаривал, к нему претензий не имел, ни к какой политической организации не принадлежал, и что акт убийства он совершил сам, без чьего-либо внушения или соучастия».

После оглашения обвинительного акта председатель суда спросил Коверду, признает ли он себя виновным, на что тот ответил, что признает убийство Войкова, но виновным себя не признает, так как убил его за все то, что большевики совершили в России.

По окончании этого заявления были введены свидетели. Свидетелей обвинения было пять: Аркадий Розенгольц, полпред СССР в Англии, Юрий Григорович, завхоз советского посольства в Варшаве, два польских полицейских, дежуривших в утро покушения на вокзале и Сура Фенигштейн, торговка, у которой Коверда прожил в качестве "уголового жильца" 13 дней из своего двухнедельного пребывания в Варшаве.

Розенгольц рассказал о своей встрече на вокзале с Войковым и о деталях самого покушения, в то время как они вместе шли из вокзального буфета к поезду, на котором Розенгольц собирался уехать в Москву. Григорович по сути дела ничего сказать не смог, так как Войков отпустил его с вокзала до покушения. Свидетельница Фенигштейн показала, что Коверда приходил вечером, а утром выходил и никого у себя не принимал.

Околоточный Ясинский дежурил на вокзале, услышал несколько выстрелов и «заметил двух людей, стрелявших друг в друга из револьверов».. Описав последующие обстоятельства, он закончил свое показание так: «Будучи в помещении, в которое был отведен Коверда, я слышал, как тот сказал: "за Россию"». Полицейский Домбровский, тоже дежуривший на вокзале, дал свою версию событий и подтвердил, что на вопрос зачем он стрелял, Коверда ответил: «Я отомстил за Россию, за миллионы людей». Он также отметил, что Коверда был совершенно спокоен, когда его арестовали, скрыться не пытался, то есть сознательно шел на эту жертвенную акцию, рискуя жизнью или свободой. (Позже Коверда рассказал, что задержавший его полицейский, узнав, что выстрелы были направлены в советского посла, сказал арестованному юноше: "Жаль, что не в Троцкого".)

Отметим немаловажное "случайное" стечение обстоятельств в происшедшем. Борис Коверда жил в Вильно и приехал в Варшаву, когда прочел в газете сообщение об отъезде в эти дни в Москву советского полпреда Войкова. Каждый день юноша ждал царевубийцу на вокзале, но газетная информация оказалась неправильной, а деньги на пребывание в Варшаве кончились. Однако Господу Богу было угодно, чтобы в последний день, когда Коверда уже собрался возвращаться домой, Войков появился на вокзале для встречи с проезжавшим через Варшаву Розенгольцем. Коверда не сразу попал в Войкова, хотя выпустил в него, убежавшего и отстреливавшегося, всю обойму пистолета – шесть пуль. В царевубийцу попали лишь две, и он скончался от ранений в больнице.

Со стороны защиты выступали родители и сестра Бориса, директор гимназии, в которой он учился, его духовник, издатель антикоммунистического еженедельника "Белорусское Слово", в котором Коверда проработал три года, товарищи по гимназии, знакомые – всего 21 человек. Приведем наиболее существенные отрывки.

Мать Бориса, Анна Коверда, дала следующие показания: «В 1915 году мы были эвакуированы властями из Вильны... Мы жили в России до 1920 года... То, что он видел в Самаре, не могло создать в нем благоприятного для большевиков настроения... Он был свидетелем разгула Чрезвычайки... Сын моей сестры был убит большевиками. Борис часто об этом говорил с моей сестрой... Борис в Самаре был свидетелем, как расстреливали на льду нашего знакомого отца Лебедева... Борис был впечатлительным, тихим и скромным. Он работал на всю семью... Когда Борис был еще 6-7-летним мальчиком, я иногда читала ему историю России... На него особенно сильное впечатление произвела история Сусанина. Он сказал мне: "Мама, я хочу быть Сусаниным"... Об убийстве я узнала из газет. Оно было для меня неожиданностью».

Директор гимназии Виленского Русского Общества сообщил следующее: «В прошлом учебном году Коверда поступил в нашу гимназию в 7-ой класс... Я спрашивал учителей белорусской гимназии, отчего Коверда ушел из этой гимназии – и мне было сказано, что там часть учеников принадлежала к коммунистической партии, что Коверда выступал против своих товарищей и что на этой почве ушел... Я знал, что Коверда находится в очень тяжелых материальных условиях, что он вынужден работать... Мы мирились с частым пропуском уроков... и он хоть с трудом, но был переведен в 8-ой класс... Уже после Рождества он очень редко бывал в гимназии... Возник вопрос, что делать с Ковердой. 21 мая на заседании педагогического совета было принято решение об исключении Бориса Коверды... Мы были вынуждены это сделать на основании существующих правил... Исключение Коверды... было для меня тяжелой обязанностью... У него были слезы на глазах, когда он говорил, что хочет окончить гимназию, но не может платить... Коверда был тихим, спокойным, послушным, сосредоточенным и замкнутым... Как директор гимназии я могу сказать, что Коверда оставил в гимназии самые хорошие воспоминания... На этой неделе я разговаривал с товарищами Коверды. Они мне говорили, что встречались с Ковердой и рассказывали ему об экзаменах. Коверда загадочно говорил о том, что ему тоже предстоит сдать экзамен, и потом его товарищи объяснили, что этот экзамен – это его поступок. Общее мнение о Коверде гласило, что это человек безусловно идейный, не бросающий слов на ветер, сосредоточенный, впечатлительный, мягкий... Всем было ясно, что Коверда переживал что-то крупное, что-то ценное, какую-то тайну. Это было общее мнение товарищей Коверды по гимназии»...

Священник Дзичковский был духовником и законоучителем Бориса и охарактеризовал его как хорошего ученика и христианина: «Борис Коверда был христианином не только на словах. Он относился к закону Божию с особенным вниманием. Посещал церковь. Я видел, что он в семье получил религиозное воспитание и этим отличался от остальных моих учеников»...

Арсений Павлюкевич, издатель еженедельника "Белорусское Слово", показал, что Коверда работал у него корректором и экспедитором, был трудолюбив, делал переводы, интересовался религиозным отделом и вступал в переписку с методистами, защищая Православие.

Товарищи по гимназии Агафонов и Белевский пробыли с ним в одном классе два года и считали его замкнутым, набожным, скромным и симпатичным. Его любили и уважали. Он приходил в гимназию усталый от работы. Коверда был противником большевиков и в Вильне выступал против них. Когда в Вильне шел советский фильм "Волжский бурлак", Коверда сказал, что такие картины не должны демонстрироваться и что следовало бы, как в Риге, сорвать демонстрацию. Коверда говорил, что он очень любит Родину и Родина находится в тяжелом положении.

После окончания выступлений остальных свидетелей защиты, которые ничего по сути дела не добавили, суд перешел к слушанию обвиняемого.

Коверда поднялся со своего места и громко и отчетливо стал рассказывать, на польском языке, свои воспоминания и впечатления детства в России, передавая обстоятельства и сцены безправия, насилия, жестокости и террора:

«Еще в прошлом году я хотел ехать для борьбы с большевиками в Россию. Я говорил об этом моим друзьям. Не знаю, почему они умолчали об этом здесь перед судом. Но пришло время материальной нужды, и мне не удалось осуществить мой замысел. Но когда мое материальное положение укрепилось, я опять начал думать о борьбе и решил поехать в Россию легально. Я собрал немного денег и приехал в Варшаву, а когда мне было в этом отказано, я решил убить Войкова, представителя международной банды большевиков. Мне жаль, что я причинил столько неприятностей моей второй родине – Польше».

Прокурор Рудницкий начал свою речь с утверждения, что Коверда является русским не только по происхождению, языку и вероисповеданию, но и по «одушевляющей его экзальтированной,

плохо понятой, ведущей на неверные пути, но тем не менее глубокой любви к своей стране». Затем он продолжил:

«На какую бы ошибочную дорогу ни завела его эта любовь, мы не можем не принять во внимание той правды, которая в нем живет, руководит его неопытным умом, его ошибочными, преступными шагами. Но, господа судьи, мы не можем преступление, убийство посланника Войкова, считать за спор сегодняшней России с завтрашней Россией или же России сегодняшнего дня с Россией вчерашнего дня, а тем более мы не можем считать, что наш приговор должен разрешить великий спор между двумя лагерями одного народа. Мы не можем ни минуты задумываться над вопросом, кто прав: сегодняшние правители России или же ее эмиграция, которая, измученная и раздраженная, как всякий лишенный своей земли человек, желает ввести какой-то другой порядок в России. Мы не можем ни разрешать, ни касаться этого спора не только потому, что никто из современников не в состоянии разрешить, за кем правда в великих исторических переворотах, но прежде всего потому, что это спор русских с русскими, спор внутри государства, борьба сил чужого общества.

Мы не можем также поставить вопроса, был или не был террористический акт Коверды вызван и оправдан террором в России... Мы не можем ставить вопрос, кто первый начал применять террор. Террор не является содержанием революции, он является излишне часто применяемым способом борьбы, и я думаю, что никогда история, отмечая завоевания или отдавая надлежащую дань революционным переворотам, не найдет слов признания или хотя бы оправдания террора. Безусловно, террор не умаляет завоеваний Великой французской революции, но все то, что она завоевала для человека и гражданина, не может узаконить и оправдать гибель десятка тысяч человеческих жизней.

Террористический акт является всегда преступлением. Человеческая справедливость должна его преследовать и наказывать виновных. Откинув в сторону те соображения, о которых я говорил выше, которые могли бы нарушить спокойствие, необходимое для вынесения приговора, мы должны подойти к настоящему процессу, как к процессу об убийстве посланника Петра Войкова Борисом Ковердой.

При этом подходе мы сталкиваемся сразу с понятием о вечной и никогда не исчезающей человеческой гордыне. Коверда убивает за Россию, от имени России. Право выступать от имени народа он присвоил себе сам. Никто его не уполномочивал ни на это сведение счетов, ни к борьбе от имени России, ни к мести за нее».

Заканчивая свое выступление, прокурор Рудницкий обратился к трем судьям со следующими словами:

«Коверде, господа судьи, следует дать суровое наказание, суровое даже, несмотря на его молодой возраст, ибо его вина весьма велика. Выстрел, произведенный им, убил человека, убил посланника, убил чужестранца, который на польской земле был уверен в своей безопасности. Этот безумный и роковой выстрел, последним эхом которого будет ваш приговор. Польская республика, которая будет говорить вашими устами, должна осудить и сурово наказать. Слишком тяжелое оскорбление нанесено ее достоинству, чтобы она могла быть мягкой и снисходительной. Она обязана быть суровой в отношении виновного, значит, и вам нельзя не быть суровыми. Через несколько минут вы должны стать мыслью и совестью республики, болеть ее заботами, возмущаться ее гневом, карать ее мудростью. И если вы из-за милосердия, которое ей свойственно, захотите проявить снисхождение, взвесьте и помните, что это не вы, но она сама будет оказывать милосердие!»

На этом закончилось выступление прокурора, которое произвело на слушателей глубокое впечатление и, повидимому, очень неприятно подействовало на Розенгольца. Когда после прокурора заговорил первый защитник, Розенголец покинул зал.

Бориса Коверду защищали четыре адвоката: Недзельский, Пасхальский, Эттингер и лишь один русский по отцу и поляк по матери – Андреев.

Говоривший первым Недзельский защищал Коверду по приглашению всех русских общественных организаций и учреждений в Варшаве. Он сказал, что этим убийством юный христианин Коверда фактически выступил на защиту принципа «не убий», покарвав тех, кто возвел убийство в ранг государственной политики. Адвокат привел итоги большевицкого владычества: «... По подсчетам русского социалиста Мельгунова – уже в первый период большевицкого господства пало по приказу кровавой Чека миллион семьсот тысяч людей. Проходят годы, и каждый день поглощает новые жертвы... За все время, в течение которого кошмар большевизма висит над Европой – свершились только два акта мести; один в Швейцарии в 1923 г., когда убит был Воровский; другой – спустя четыре года на польской земле – убийство Войкова. Неужели эти две жизни являются таким ужасом в сравнении с миллионом семьями тысяч невинных жертв Чека? С десятками миллионов жизней, поглощенных по вине советского эксперимента, гражданской войной, голодом, нуждой и болезнями?..».

Заканчивая свое выступление, адвокат Недзельский приходит к заключению, что столкновение между всемирной христианской культурой и попыткой большевиков вернуть человечество на путь варварства неустранимо, и, обращаясь к судьям, говорит: «Вот почему бремя великой исторической ответственности падает не на личность Бориса Коверды, а на весь тот строй, на совести которого уже столько преступлений и совесть которого еще запятнана не одной катастрофой, прежде чем наступит в мире победа правды и справедливости... Пусть на чашу милосердия будет брошен символ, который Коверда хотел защитить – крест, на котором написана заповедь „не убий“. А если этого мало, то бросим на чашу весов любовь к родине, которой Коверда посвятил свою молодую жизнь. И чаша милосердия должна перевесить!»

Следующим выступал защитник Павел Андреев, который начал свою речь с оспаривания утверждения прокурора, что столкновение между Ковердой и Войковым – это борьба между двумя русскими, различно относящимися к состоянию своей родины:

«Нет! Коверда страдал за несчастья своей родины, боролся за нее – Войков же не представлял родину Коверды, а созданное на крови и кровью питающееся государственное новообразование, которое даже со своих знамен сорвало имя России. Родина – это не только территория, не только совокупность людей. Родина – это комплекс традиций, верований, стремлений, святынь, культурных достижений и исторической общности людей и земли, ими населенной. Родина – это история, в которой развивается нация. А разве СССР может создать нацию? Нет!»

Опровергая следующую установку прокурора, Андреев говорил: «Борис Коверда – жалкая пылинка – выступил против ужасной силы не во имя гордости, не во имя ненужного реформаторства, как это хочет видеть господин прокурор. Гордость? Господа судьи, разве в этом мальчишке, сидящем здесь на скамье подсудимых, можно усмотреть хотя бы тень гордости, этого сатанинского искушения? Разве вы не поняли, господа судьи, что Борис Коверда – это мальчик с чистой, кристальной душой, с голубиным сердцем; мальчик, способный на жертву, мальчик, которого на страшный поступок убийства толкнула не гордость, а любовь к неисчислимым массам сородичей, уничтожаемых, попираемых и убиваемых III Интернационалом».

Третья защитительная речь, адвоката Эттингера, была аргументацией против подсудности дела чрезвычайному суду:

«Господа судьи! Мы разделили между собой защиту, и моей задачей является представить вам наши выводы по вопросу о подсудности вам этого дела. Позволяет ли вам закон республики судить Коверду и наказать его согласно немилосердно суровым предписаниям о чрезвычайных судах? Можно ли лишать его тех гарантий, которыми пользуется подсудимый при обычном судебном разбирательстве и оценки его вины согласно принципам нормального закона? По глубокому убеждению защиты, предание Коверды чрезвычайному суду противоречит закону. Мы требуем, чтобы вы исправили эту ошибку обвинения и направили дело на путь обычного разбирательства...».

Последним выступал адвокат Франциск Пасхальский, который сравнил суд над Конради в Швейцарии с судом над Ковердой в Польше. Он сказал, что Швейцария стала арендой процесса, во время которого прошел длинный ряд свидетелей, пополняя обвинительный акт против режима большевиков. В условиях же чрезвычайного суда в Варшаве защита не имела возможности использовать рассеянных по Европе многочисленных свидетелей, которые при другом судопроизводстве своими показаниями могли бы дополнить сведения юного обвиняемого и взять на себя моральную ответственность за его поступок. Таким образом, рамки процесса были значительно сужены, что повлекло за собой удаление из судебного разбирательства всего, что происходит в Советской России, с которой Польша подписала мирный договор.

«Никто, однако, не может нам запретить здесь говорить обо всем, что Коверда пережил и что толкнуло его на убийство», – сказал Пасхальский. Вернувшись к воспоминаниям детства Бориса в советской России, он подчеркнул, что, в отличие от взрослых, видевших многое, для детской души, которая впервые смотрит на мир, такая картина, как «ледяное крещение» в реке священника, оставляет неизгладимое впечатление и ложится в основу жизненного опыта ребенка.

Заседание суда открылось в 10.45 утра, а приговор был вынесен через 14 часов в 12.45 ночи. Судьям понадобилось 50 минут, чтобы принять решение. Приговор был выслушан Ковердой и всеми присутствующими, стоя. Когда председатель суда дошел до слов о безсрочной каторге, вздох облегчения прошел по залу, а Коверда встретил приговор с выражением радости на лице.

Его отец подбежал к скамье подсудимых и крепко обнял и поцеловал сына, который сразу же, под конвоем полицейских, был отведен в тюрьму.

Месяц спустя в том же 1927 г. митрополит Сергей в своей Декларации о лояльности богоборческой советской власти осудил деяние Бориса Коверды следующими словами:

«Мы хотим быть православными и в то же время сознавать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успеха которой наши радости и успехи, а неудачи – наши неудачи. Всякий удар, направленный в Союз, будь то война, бойкот, какое-нибудь общественное бедствие или просто убийство из-за угла, подобное варшавскому, сознается нами как удар, направленный в нас. Оставаясь православными, мы помним свой долг быть гражданами Союза “не только из страха, но и по совести”, как учил нас Апостол (Рим. XIII, 5).»

Впоследствии президент Речи Посполитой заменил безсрочные каторжные работы теми же работами, но на пятнадцатилетний срок. Как мы сейчас знаем, Борис Сафронович Коверда провел 10 лет своей молодой жизни в тюрьме (освобожден по амнистии).

На Дальнем Востоке поэтесса Марианна Колосова посвятила Борису Коверде следующее стихотворение:

+ + +

РУССКОМУ РЫЦАРЮ.

С Дальнего Востока — в Варшаву,
Солнцу — привет из тьмы!
Герою воспетому славой —
В стенах варшавской тюрьмы.

Золотыми буквами — Имя
На пергаменте славных дел.
И двуглавый орел над ними
В высоту голубую взлетел!

Зашептались зеленые дали...
Зазвенела Русская ширь...
Ты — литой из блестящей стали
Из старых былин богатырь!

И закорчился змей стоглавый,
Видно пули страшней, чем слова?
И под стены старой Варшавы
Покатилась одна голова...

Нам еще отрубить осталось
Девяносто девять голов...
Но нам ли страх и усталость?
На подвиг каждый готов!

И огнями горит золотыми
Путеводная наша звезда —
Дорогое, любимое имя:
«Русский рыцарь Борис КОВЕРДА!»

В том же 1927 г. в Варшаве “Союзом Юристов с Восточных Окраин Польши” на польском языке была издана книга, переведенная сразу и на русский язык: «Дело Б. Коверды. Июнь 1927» (Книгоиздательство “Возрождение”, Париж). Но сам Борис Сафронович был очень скромным человеком и, даже став героем русской эмиграции, не описывал публично свой подвиг. (В 1983 г., кажется, он приехал инкогнито на Посевскую конференцию во Франкфурт, и только по его просьбе, обращенной к одному из писателей, надписать книгу Наташе Коверде, его дочери, я догадался, кто был передо мной. – М.Н.)

Лишь в 1984 году, сознавая важность восстановления исторической истины и, возможно, предчувствуя, что его жизнь подходит к концу, он написал статью “Покушение на полпреда Войкова 7 июля 1927 года” (“Русская Мысль” №№ 3505-3506, февраль 1984 г., и журнал “Часовой”). Эта короткая статья, названная автором «свидетельским показанием», написана языком делового отчета и почти полностью ограничивается передачей фактов и событий. В ней он впервые раскрывает единомышленников, которые знали о готовившемся покушении и научили Бориса обращаться с оружием: это были издатель газеты “Белорусское слово” доктор Арсений Васильевич Павлюкевич и белогвардейский казачий есаул Михаил Ильич Яковлев.

Борис Сафронович скончался в среду 18 февраля 1987 года, немного не дожив до своего 80-летия. Отпевание и похороны состоялись 20 февраля в монастыре Новое Дивеево.

А.П. Павлюкевич и М.И.Яковлев погибли при захвате Польши немцами, оказав им сопротивление.

Розенгольц был расстрелян в 1938 г. в результате третьего московского процесса в ходе сталинской чистки.

Войков похоронен у Кремлевской стены и до сих пор оскверняет ее, а его имя – станцию метро и несколько улиц столицы. Все попытки православной общественности (Союза "Христианское Возрождение", Союза Русского Народа, депутатской группы "Возвращение") добиться хотя бы переименования станции метро "Войковская" были безуспешными. Нынешние власти чувствуют себя преемниками Войкова, а не Коверды.

М.Н.

Использованы материалы Из журнала "Кадетская переключка" № 43, 1987 г.: